

Чжу Мяомяо пребывала в полном восторге от своей вновь обретенной гривы – густой, пышной, живой. Наконец-то ей не нужна шляпа! Переполненная благодарностью, она испытывала почти священный трепет перед колодцем и даже спросила Лу Цинцзю, правда ли, что люди в нём умирали, а не возносились прямым к небесам...

Лу Цинцзю был беспомощен перед её настойчивым любопытством. Он обстоятельно объяснил всё, что знал о колодце, признавшись, что и сам не знает источник его странной силы.

«Причина не важна, — парировала Чжу Мяомяо, поглаживая свои локоны, — главное, что волосы вернулись. Впредь я смогу приводить сюда других – пусть и они вернут свою шевелюру...»

«Можешь приводить, — ответил Лу Цинцзю, — но сперва придётся всё им объяснить. Полагаю, большинство будут чересчур напуганы?»

«Верно», — согласилась Чжу Мяомяо.

Да, её волосы отросли, но в этом колодце погибали люди. Кому-то это покажется неприемлемым, но для неё быть лысой было куда страшнее, чем любая байка о призраке в колодце.

Счастливая, она сделала серию эффектных фотографий и отправила друзьям. На одном снимке – её лысеющая голова, на следующем – уже роскошные, сексуальные локоны. В комментариях друзья допытывались о секрете преобразования, а некоторые подозревали тайную пересадку волос...

Чжу Мяомяо ликовала. Она и мечтать не смела, что наступит день, когда эта проклятая проблема с волосами останется в прошлом.

Ей дали всего четыре дня отпуска. Естественно, она жаждала вдохнуть всю прелесть природы, столь далёкой от города, и Лу Цинцзю был просто обязан стать её гидом.

Тот согласился и повёл её прогуляться по деревне. Увидев вдали тёмную полосу леса у подножья горы, Чжу Мяомяо спросила: «А подняться на ту гору можно?»

Лу Цинцзю уже собрался кивнуть, но внезапно вспомнил о зловещей луже, встреченной во время прошлого восхождения. Он замешкался и сказал: «Мне нужно спросить разрешения».

«У кого?» — удивилась Чжу Мяомяо.

«Иногда на склонах появляются дикие звери, — пояснил он, — необходимо убедиться, что подъём будет безопасен».

«Ладно», — больше она не расспрашивала.

Дома Лу Цинцзю обратился к Бай Юэху: будут ли проблемы с прогулкой в горы? Тот взглянул на небо и ответил: «В ясную погоду – нет. В такие дни они обычно не показываются, а если и появится кто – ничего страшного. Главное – не приближаться. Обойдёте стороной, и всё будет в порядке».

Успокоившись, Лу Цинцзю сообщил Чжу Мяомяо, что они отправятся после полудня: поднимутся невысоко и обойдут склон. Проводником он назначил Инь Сюня.

Погода стояла прекрасная. По куполу ярко-синего неба плыли пухлые, ватные облака. С высоты открывался вид на холмистые хребты, одетые в густую изумрудную зелень. С верхушек деревьев лилось чистое, переливчатое пение птиц, а у тропинки, среди низкорослых кустов, пестрели полевые цветы. Изредка попадались незнакомые дикие ягоды. Некоторые были съедобны, но большинство – терпко-кислые. Инь Сюнь сорвал для Чжу Мяомяо пару розоватых плодов. Наблюдая, как её лицо кривится от кислоты, он рассмеялся: «Эти ягоды хороши для настойки, но есть их просто так – удовольствие сомнительное».

«Зачем же ты дал их мне?» — на глазах у Чжу Мяомяо выступили слёзы.

«Я увидел в твоём взгляде жгучее любопытство, — ответил Инь Сюнь, — и ты без раздумий отправила ягоду в рот».

Чжу Мяомяо фыркнула: «...Сама виновата, что выглядела она так аппетитно».

Два экстраверта быстро нашли общий язык и болтали без умолку.

Троица шла вперёд, лес сгущался вокруг. Кроны высоких деревьев сомкнулись, почти не пропуская солнечных лучей, лишь роняя на землю дрожащие световые пятна. Время близилось к вечеру, и Лу Цинцзю предложил: «Пора возвращаться. Я вчера купил у соседей вяленых рёбрышек и бекона – сварю на ужин».

Чжу Мяомяо радостно закивала.

Они уже начали спускаться, но, проходя мимо особенно густой чащи, Чжу Мяомяо вдруг замерла: «Эй, вы это слышите?»

«Что именно?» — насторожился Лу Цинцзю.

«Это... — голос её дрогнул, и она прошептала, — плач. Как будто ребёнок».

«Нет, — начал Лу Цинцзю, — я не...»

Он хотел сказать, что ничего не слышит, как из самой глубины лесной чащи донёсся слабый, прерывистый детский всхлип. Звук был жалобным, захлёбывающимся, будто у плачущего вот-вот иссякнут силы.

«Теперь и я слышу», — поправился он, и его лицо стало серьёзным.

«Может, это деревенский мальчишка?» — Инь Сюнь тоже прислушался, его брови недовольно сдвинулись.

«Наверное, заблудился, — встревожилась Чжу Мяомяо. — Пойдёмте, проверим!»

Инь Сюнь открыл рот, словно собираясь возразить, но лишь сказал: «Туда трудно подступить. Давайте я один пойду посмотрю, а вы останетесь здесь и подождёте?»

«Я с тобой, — решил Лу Цинцзю. — Мяомяо, жди нас тут. Мы с Инь Сюнем разберёмся».

Чжу Мяомяо потеряла руки — в воздухе вдруг повеяло необъяснимым холодом. «Нет, мне страшно одной. Я не останусь, пойду с вами».

«Хорошо», — Лу Цинцзю не стал спорить. Детский плач становился всё тише, будто готов был раствориться в лесной тишине.

Договорившись, все трое осторожно двинулись в сторону, откуда доносился звук.

Инь Сюнь по-прежнему хмурился. Заметив странное выражение на его лице, Лу Цинцзю тихо спросил: «Что случилось?»

«Этот ребёнок... голос незнакомый, — ответил Инь Сюнь. — Не похож ни на одного из деревенских. К тому же наши дети каждый день носятся по этим горам и знают каждую тропинку лучше любого взрослого. Разве могли они заблудиться?»

Лу Цинцзю уже собрался было задать вопрос, но вдруг осознал нечто, и сердце его судорожно сжалось.

Они углубились в лес, и рыдания стали звучать всё ближе. Лу Цинцзю внимательно вглядывался в заросли, но не видел ни малейшего следа ребёнка. Внезапно шедшая сзади Чжу Мяомяо дёрнула его за рубашку. Дрожащим голосом она прошептала: «Почему... почему мне кажется, что плачет вовсе не ребёнок?»

Лу Цинцзю вопросительно обернулся к ней.

«Там, в траве, будто что-то есть...» — теперь Чжу Мяомяо и впрямь испугалась. Она отступила на шаг и указала на густой участок травы прямо перед ними.

Инь Сюнь перевёл взгляд на указанное место. Сделав два шага вперёд, он наклонился и нащупал что-то. Лу Цинцзю, стоя рядом, мгновенно узнал предмет, который тот держал, — пару туфель. Башмачки были грязными и потрёпанными, ткань испачкана землёй так, что почти не разглядеть детали.

Выражение лица Инь Сюня резко переменилось. Лу Цинцзю поспешно спросил: «Инь Сюнь, что случилось?»

Тот поднял на них взгляд и ответил хрипло: «Помнишь, я рассказывал, как в нашей деревне утонул мальчик?»

«...Помню».

«Когда нашли тело, на нём не хватало нескольких вещей, — горько усмехнулся Инь Сюнь. — В том числе пары красных туфель...»

Очевидно, эта пара в его руках и была той самой, что отсутствовала на утонувшем ребёнке. Но он никак не мог понять, что они делали здесь, в лесной траве.

Ладони Лу Цинцзю покрылись холодным потом. Но самое ужасное было в том, что едва Инь Сюнь поднял эти крошечные башмачки, детские рыдания внезапно прекратились.

«Что нам делать? — испуганно прошептала Чжу Мяомяо. — Давайте просто уйдём отсюда».

«Пойдём», — согласился Инь Сюнь.

Однако едва они сделали несколько шагов, как снова раздался детский голос. На сей раз это был не плач, а весёлый, звонкий смех — от которого по коже побежали мурашки. Неосознанно они ускорили шаг, желая поскорее покинуть это место. Но путь, прежде казавшийся коротким, вдруг растянулся мучительно долго. Они долго шли по лесу, но так и не вышли на прежнюю тропу, а окружение становилось всё более незнакомым.

«Мне страшно, — сказала Чжу Мяомяо, тихо обращаясь к Лу Цинцзю. — Мы заблудились?»

«Похоже на то», — нервно усмехнулся тот.

Молчавший до сих пор Инь Сюнь наконец тихо произнёс: «Может, выбросим эти туфли?»

«В каком смысле?»

«В деревне есть поверье, — пояснил Инь Сюнь. — Говорят, нельзя носить с собой вещи, которые были на умершем в час смерти, иначе они сохранят связь с живыми и не смогут переродиться».

Он потряс маленькими красными башмачками, зажатыми в руке. «Может, потому мы и не можем уйти отсюда?»

«Тогда просто оставь их», — сказал Лу Цинцзю.

Он сам плохо разбирался в подобных вещах. Даже если порой сталкивался с чем-то странным, делал вид, что не замечает, — и странность отступала. Но здесь, в деревне, всё оказалось иначе, осязаемое.

Инь Сюнь кивнул и осторожно положил туфли на траву у обочины. Едва его пальцы разжались, детский плач снова пронзил тишину — теперь ещё пронзительнее и отчаяннее. Инь Сюнь вздрогнул и чуть не споткнулся.

«Кажется, начинается дождь, — пробормотала Чжу Мяомяо. — Сколько мы уже бродим по этой горе?»

В какой-то незаметный миг небо полностью потемнело. Нависли тяжёлые, свинцовые тучи. В лесу воцарилась неестественная тишина, сквозь которую уже слышался редкий стук капель по листьям.

«Уже восемь вечера», — глянул на телефон Лу Цинцзю. Сети не было. Они совершенно заблудились и бродили здесь уже целых два часа, безуспешно пытаясь найти выход из всё более жуткого леса.

«Надо спешить, — лицо Инь Сюня исказилось. — Если стемнеет и зарядит дождь, будет совсем плохо».

Почему именно плохо — он не уточнил.